

Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь институтов защиты добросовестного приобретателя и недействительности сделки. Институт защиты добросовестного приобретателя, закрепляя условия, при которых собственник не может истребовать свое имущество, олицетворяет идею поиска баланса между интересами собственника и лица, которое добросовестно и возмездно приобрело имущество, и распространяет соответствующую идею также на иные институты гражданского права. Институт защиты добросовестного приобретателя вышел за границы института виндикационного иска, выступив мерилем справедливого разрешения спора, и приобрел межинституциональный характер, оказывая влияние, в частности, на институт недействительности сделки. Оспаривание собственником сделки с имуществом является одним из способов защиты прав собственника. Однако применение такого способа должно относиться к исключительным ситуациям в силу экстраординарного характера реституции; во всяком случае, его применение не должно приводить к нарушению прав и интересов лиц, не являющихся сторонами сделки. Для обеспечения стабильности прав на имущество необходимо, чтобы признанная недействительной оспоримая сделка не влекла правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения, поскольку, несмотря на восстановление собственником прав посредством компенсационной реституции, ретроактивный характер недействительности сделки будет влиять на права приобретателей имущества. Этого можно достичь изменением законодательных положений о недействительности оспоримой сделки и восприятием классического пандектного учения о моменте, с которого признанная недействительной оспоримая сделка считается недействительной.

Ключевые слова: право собственности; виндикационный иск; добросовестный приобретатель; недействительность сделки; владение; защита права; субъективное право; суд; спор; стабильность гражданского оборота.

Для цитирования: Мальбин Д. А. Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 140–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.140-150.

© Мальбин Д. А., 2024

* Мальбин Дмитрий Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий эксперт Института проблем административно-правового регулирования Высшей школы экономики, партнер VERBA Legal, адвокат
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
dmitriy.malbin@verba.legal

Protection of a Bona Fide Purchaser and Invalidity of a Transaction: In Search of Stability in Civil Legal Relations

Dmitriy A. Malbin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Business Law, the All-Russian State University of Justice, Leading Expert, Institute of Administrative Legal Regulation Problems, Higher School of Economics, Partner, VERBA Legal, Lawyer
dmitriy.malbin@verba.legal

Abstract. The paper examines the relationship between the institutions of protection of a bona fide purchaser and the invalidity of a transaction. The institution of protection of a bona fide purchaser, establishing the conditions under which the owner cannot reclaim their property, embodies the idea of finding a balance between the interests of the owner and the person who acquired the property in good faith and for compensation, and extends the corresponding idea also to other institutions of civil law. The institution of protection of a bona fide purchaser went beyond the boundaries of the institution of vindication action, acting as a measure of a fair resolution of a dispute, and acquired an inter-institutional character, influencing, in particular, the institution of invalidity of a transaction. Challenging a property transaction by the owner is one of the ways to protect the rights of the owner. However, the use of this method should only apply to exceptional situations due to the extraordinary nature of restitution; in any case, its application should not lead to a violation of the rights and interests of persons who are not parties to the transaction. To ensure the stability of rights to property, it is necessary that a voidable transaction declared invalid does not entail legal consequences from the moment it is recognized as such by the court, and not from the moment it is completed. It happens since, despite the restoration of rights by the owner through compensatory restitution, the retroactive nature of the invalidity of the transaction will affect the rights purchasers of property. This can be achieved by changing the legislative provisions on the invalidity of a voidable transaction and the perception of the classical pandect doctrine about the moment from which a voidable transaction declared invalid is considered invalid.

Keywords: property rights; vindication claim; bona fide purchaser; invalidity of the transaction; possession; protection of rights; subjective right; court; dispute; stability of civil turnover.

Cite as: Malbin DA. Protection of a Bona Fide Purchaser and Invalidity of a Transaction: In Search of Stability in Civil Legal Relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):140-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.140-150.

Вещное право, являясь одной из подотраслей гражданского права, призвано обеспечить правовое закрепление принадлежности вещей субъектам гражданского оборота, нормальное функционирование которого невозможно в отсутствие прав на имущество, которое переходит от одного лица к другому. С отчуждением имущества при наличии у отчуждателя прав на имущество происходит переход прав на вещь, вследствие чего приобретатель имеет юридически обеспеченную возможность господствовать над принадлежащей ему вещью. При этом с прочностью прав на имущество достигается стабильность гражданского оборота, субъекты которого могут быть уверены в том, что не лишатся приобретенного ими имущества. Тем не менее в ряде случаев приобрете-

ние вещи может не сопровождаться переходом прав на нее, как, например, при приобретении вещи у лица, не имеющего прав на отчуждаемое имущество. Приобретатель здесь оказывается незаконным владельцем, от которого вещь может быть истребована по иску собственника. Однако подобная безусловная возможность собственника истребовать вещь от всякого ее приобретателя оказывается вредной для гражданского оборота и не может быть оправдана с политико-правовой точки зрения. Ввиду указанных причин еще в древнегерманском праве зародился институт ограничения виндикации, известный в качестве правила *Hand muss Hand wahren*, который стал неизменным спутником института виндикационного иска в современных правовых порядках, позволяя наиболее справед-

ливым образом решить вопрос о возможности собственника истребовать имущество из владения лица, которое приобрело его у неуправомоченного отчуждателя.

Идея защиты добросовестного приобретателя имущества воспринята и российским гражданским правом, институт защиты которого закреплен в ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Существование института защиты добросовестного приобретателя само по себе не означает безусловной невозможности истребования от него имущества собственником. Несмотря на значительную пользу такого института, право не может оставлять без защиты собственника, который лишился своего имущества, и с этой целью закрепляет условия, при совокупном наличии которых имущество не может быть истребовано по иску собственника: добросовестность приобретателя, возмездность приобретения, выбытие вещи из владения собственника или лица, которому вещь передана собственником, по его воле. Каждое условие играет существенную роль в формировании подхода, позволяющего справедливым образом разрешить конкуренцию интересов собственника и добросовестного приобретателя, а отсутствие хотя бы одного из условий исключает возможность защиты приобретателя, что обосновывается исключительно политико-правовыми соображениями. Так, при отсутствии добросовестности приобретателя нет причин для его защиты, ведь такое лицо при приобретении вещи действует не просто неправомерно, но умышленно, с осознанием факта нарушения им чужого права собственности. В свою очередь, при безвозмездном приобретении имущества приобретатель, хотя бы он и был добросовестным, не терпит убытков в случае истребования от него имущества, в отличие от утратившего вещь собственника. Выбытие вещи из владения собственника помимо его воли не позволяет возложить на собственника вину в том, что вещь в конечном счете оказалась во владении приобретателя, в отличие от того собственника, который, передав вещь, сам создал условия для

того, чтобы вещь впоследствии была приобретена лицом в отсутствие знаний о неуправомоченности отчуждателя.

Вместе с тем институт защиты добросовестного приобретателя не может рассматриваться лишь в качестве инструмента для справедливого разрешения частного спора собственника и приобретателя имущества от неуправомоченного отчуждателя, но выполняет значительно более важную функцию обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку с ограничением виндикации исключается интенсификация взаимных требований участников оборота в связи с истребованием имущества от конечного приобретателя. Принцип неограниченной виндикации, в свою очередь, имеет негативные последствия для гражданского оборота, поскольку владельцы имущества не могут быть уверены в прочности своего положения по отношению к имуществу, а ничем не ограниченная возможность истребования вещи собственником от всякого ее приобретателя подрывает стабильность гражданских отношений, поэтому появление института защиты добросовестного приобретателя следует признать важной вехой в развитии вещного права.

Предъявляя виндикационный иск, собственник преследует цель получить свое имущество во владение. Однако этот способ защиты гражданских прав не единственный, позволяющий утратившему имущество собственнику вернуть его в собственное обладание. В частности, такой возврат возможен путем применения последствий недействительности совершенной с имуществом сделки, а с учетом того, что выбор способа защиты нарушенного права при наличии так называемой конкуренции исков принадлежит управомоченному лицу, то собственник, утративший имущество по сделке, вместо предъявления виндикационного иска вправе требовать признания совершенной с его имуществом сделки недействительной и применения последствий ее недействительности.

Виндикационный иск и иск о признании сделки недействительной и применении по-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

следствий ее недействительности достигают указанного результата различным образом: если первый иск сохраняет структуру правовых связей в правоотношениях, реализуясь исключительно в рамках вещных правоотношений, где кредитор (собственник) требует возврата вещи от должника (незаконного владельца), то второй иск достигает обозначенного результата за счет разрушения структуры правовых связей между субъектами, вследствие чего права и обязанности сторон изменяются по отношению друг к другу. При этом в случае оспаривания сделки приобретатель имущества оказывается без защиты, т.к. институт защиты добросовестного приобретателя является необходимым дополнением института виндикационного иска и не имеет значения не только при применении общих способов защиты (к числу которых относится оспаривание сделки), но даже при применении иного специального вещно-правового способа защиты — негаторного иска². При таких обстоятельствах закономерен вопрос о конкуренции способов защиты прав собственника при утрате им вещи и об учете значения института защиты добросовестного приобретателя для формирования такого подхода, который бы обеспечивал необходимый баланс не только между интересами спорящих сторон, но и гражданского оборота в целом.

Впервые указанная проблема применительно к ничтожным сделкам на высоком уровне была рассмотрена в постановлении Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева»³ (далее — Постановление КС РФ № 6-П).

Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма реституции, такая защита возможна только путем удовлетворения виндикационного иска.

Особенность ситуации состояла в том, что действовавшее в то время законодательство предоставляло право предъявления иска о применении последствий недействительности ничтожной сделки всякому заинтересованному лицу, хотя бы такое лицо и не было стороной сделки, что давало основание считать, что утративший свое имущество собственник при наличии конкуренции исков вместо предъявления виндикационного иска вправе требовать применения последствий недействительности каждой совершенной с его имуществом сделки, т.к. совершенная с чужим имуществом сделка об отчуждении традиционно рассматривается в качестве ничтожной ввиду отсутствия у отчуждателя прав на имущество⁴. В результате применения такого механизма вещь последовательно возвращается от одного лица к другому и, наконец, к собственнику, чем, как считалось, достигалась защита права собственности.

Несмотря на рассмотрение вопроса на столь высоком уровне, вопрос не имел конституционно-правовой проблематики, а относился исключительно к области гражданского права, в частности правильного применения его институтов, а не соответствия их Конституции РФ⁵. В действительности в описанной ситуации конкуренции исков не имелось, поскольку выбор способа защиты нарушенного субъективного права хотя и осуществляется самим управомоченным субъектом, но не является произвольным и всегда осуществляется исходя из характе-

² См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.09.2015 № 18-КГ15-113 // СПС «КонсультантПлюс».

³ СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

⁴ См.: Ширвиндт А. М. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения (информационное письмо от 13.11.2008 № 126) // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 109.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

ра нарушения, а также способности избранного способа защиты непосредственно восстановить нарушенное право. В рассмотренном Конституционным Судом РФ деле нарушение права состояло не в наличии определенных пороков сделок, в результате совершения которых истец претерпевал определенное поражение в правах, т.к. ничтожные сделки не влекут правовых последствий априори и их совершение не отражается на правах собственника, но в том, что имущество собственника без законных оснований находится в незаконном владении третьего лица, к которому не могло перейти право собственности на имущество ввиду ничтожности сделок о его отчуждении. Таким образом, при сохранении права собственности на вещь и наличии вещного правоотношения спор относился к вещному, а устранение нарушения права собственности, которое состояло в незаконном владении третьим лицом вещью собственника, должно осуществляться исключительно виндикационным иском.

Невозможность истребования вещи от добросовестного приобретателя виндикационным иском при этом не означает, что собственнику надлежит обратиться к такому способу защиты права, в рамках которого защита добросовестного приобретателя не осуществляется, но который достигает с виндикационным иском одной цели. Защита добросовестного приобретателя не является препятствием к защите прав утратившего вещь собственника, т.к. институт защиты добросовестного приобретателя устанавливает правила разрешения конкуренции между правами и интересами собственника и добросовестного приобретателя, в том числе в целях обеспечения стабильности гражданских правоотношений, но не исключает возможность защиты субъективных прав. Если удовлетворение виндикационного иска невозможно ввиду наличия условий для защиты добросовестного приобретателя, утративший имущество собственник может предъявить иск к иному лицу для разрешения спора между ними, однако такой иск должен преследовать цель, не связанную с возвратом вещи, поскольку спор с этим лицом будет всегда носить отличный от спора по виндикационному иску характер (например,

возмещение убытков лицом, виновным в утрате собственником вещи).

Восстановление права осуществляется с применением определенного способа защиты, но неоднократное применение способа защиты права одного вида — признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности в случае такого нарушения, для устранения которого существует специальный способ защиты, нельзя признать верным, т.к. предъявлением иска о применении последствий недействительности всех совершенных с имуществом сделок для возврата имущества во владение собственника подменяется институт виндикационного иска, что обесценивает существование такого иска при возможности свободно обойти ограничения, связанные с ним.

Каждый способ защиты имеет свои уникальные условия для применения и преследует собственную цель, достижение которой влечет восстановление нарушенного права, в связи с чем нельзя говорить об альтернативной конкуренции исков собственника для возврата вещи из чужого незаконного владения. Проблема выбора способа защиты права может быть разрешена с использованием правила «*lex specialis derogat lex generalii*», т.к. норма об истребовании имущества из чужого незаконного владения является специальной, применимой для соответствующего вида правонарушения, по отношению к общей норме о недействительности сделок, вследствие чего использование общего способа защиты права оказывается невозможным.

Более того, применение последствий недействительности нескольких сделок приводит в динамику отношения сторон сделок, которые возвращают друг другу всё полученное по сделке, что само по себе не восстанавливает право собственности, поскольку такое восстановление возможно только с возвратом вещи незаконным владельцем непосредственно собственнику, а не ее передачей от одного незаконного владельца к другому, но одновременно означает вторжение собственника в чужие частные дела сторон оспариваемых сделок предъявлением такого иска, что противоречит одному из принципов гражданского права.

Принятие Постановления КС РФ № 6-П потребовало законодательного упрочения положения добросовестного приобретателя, с тем чтобы исключить возможность получения от него имущества в обход установленных правил о его защите. С этой целью положения ст. 223 ГК РФ были дополнены указанием на то, что недвижимое имущество принадлежит добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации права, кроме случаев, когда собственник может истребовать это имущество виндикационным иском⁶. Однако введение соответствующих правил только в отношении недвижимого имущества потребовало разъяснения в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁷ о том, что новое положение ст. 223 ГК РФ о защите добросовестного приобретателя недвижимости подлежит применению в отношении добросовестного приобретателя движимого имущества в порядке аналогии права. Позднее в ходе реформы гражданского законодательства⁸ подверглась изменению и статья 166 ГК РФ в части ограничения круга лиц, наделенных правом оспаривания сделки и применения последствий недействительности сделки, до сторон сделки, а возможность оспаривания сделки иным лицом в настоящее время должна быть прямо предусмотрена законом. Указанные изменения призваны упрочить права на имущество и гражданский оборот в целом.

Вместе с тем само по себе законодательное ограничение круга лиц, имеющих право на оспаривание сделки, а также дополнение закона указанием на принадлежность недвижимого имущества добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации права не способны полностью разрешить проблему влияния института недействительности сделки на положение приобретателя имущества, поскольку у собственника по-прежнему сохраняется право оспаривания сделок с его имуществом, в связи с чем требуется выработать концептуально новый системный подход к защите субъективных прав с учетом обеспечения интересов утратившего вещь собственника, приобретателя имущества, а также стабильности вещных прав на имущество и в целом гражданского оборота.

При имеющихся представлениях о возможностях оспаривания сделки, последствиях ее недействительности, условиях защиты добросовестного приобретателя и свободы выбора способа защиты права указанная проблема всегда будет проявляться. Например, по традиции признание недействительной оспоримой сделки, выступающей первой в цепочке совершенных с имуществом сделок, рассматривается как влекущее недействительность всех последующих сделок об отчуждении имущества⁹, в результате чего конечный приобретатель оказывается лицом, приобретшим вещь от неуправомоченного отчуждателя, а при отсутствии хотя бы одного из условий, необходимых для защиты добросовестного приобретателя, имущество может быть истребовано от него собственником виндикационным иском, несмотря на невоз-

⁶ Федеральный закон от 30.12.2004 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 43.

⁷ Российская газета. № 109. 21.05.2010.

⁸ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

⁹ См., например: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2015. Т. 1. С. 624 ; Сагдеева Л. В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 81 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.02.2015 № Ф10-3240/2011 по делу № А23-4655/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

возможность применения по иску собственника механизма реституции в отношении каждой совершенной с его имуществом сделки. В таких случаях признание оспоримой сделки недействительной выступает первым этапом на пути к истребованию имущества виндикационным иском, поскольку вследствие ретроактивного характера недействительности сделки отчуждатель вещи рассматривается как не имеющий права *ex tunc*.

Вследствие фрагментарности подхода указанная проблема проявилась в одном из дел, что также потребовало вмешательства Конституционного Суда РФ. Поводом к новому рассмотрению вопроса о соответствии Конституции РФ положений ст. 302 ГК РФ послужило дело, в котором по иску бывшего супруга была признана недействительной сделка по распоряжению общим имуществом по причине отсутствия согласия этого супруга на ее совершение, при этом до признания данной сделки недействительной имущество — жилое помещение — было несколько раз отчуждено на основании последовательно совершенных сделок. В результате приобретатель жилого помещения стал рассматриваться как приобретший его у неуправомоченного отчуждателя, а с учетом того, что жилое помещение выбыло из владения оспорившего сделку субъекта права совместной собственности помимо его воли, такое имущество было истребовано от приобретателя независимо от его добросовестности и возмездного характера приобретения.

По результатам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.07.2021 № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева»¹⁰ пришел к выводу о том, что жилое помещение не может быть истребовано от добросовестного возмездного приобретателя по иску бывшего супруга — участника общей совместной собственности, который не предпринял своевременных мер по контролю над общим имуществом супругов и надлежащему оформлению своего права собственности на

это имущество и по требованию которого ранее сделка по распоряжению жилым помещением признана недействительной как совершенная без его согласия.

Необходимость защиты добросовестного приобретателя в описанной ситуации не вызывает сомнений, однако решение вновь носит казуальный характер и принято без выработки универсального подхода, позволяющего разрешить вопрос конкуренции двух правовых институтов и исключить возникновение аналогичных ситуаций впредь, поскольку в совместной собственности супругов может находиться не только жилое помещение, но и иное имущество, в связи с чем не исключается возникновение споров в отношении иных объектов права общей собственности супругов. Кроме того, совместная собственность супругов не является единственным случаем общей совместной собственности, поэтому возникновение аналогичного спора возможно в связи с отчуждением имущества крестьянского (фермерского) хозяйства.

При этом гражданское право, имея богатый инструментарий, вполне способно разрешить проблему без использования конституционно-правовой методологии, обратившись к природе и генезису института недействительности сделки, а также имея в виду общую цель обеспечения стабильности гражданских правоотношений и предсказуемости правовых последствий.

Прообразом современного института недействительности сделки является римский институт *in integrum restitutio*, который изначально возник как *extraordinarium auxilium*, применимый тогда, когда вследствие строгости объективного права истец претерпевал определенное поражение в своих правах, противоречащее справедливости, которое было невозможно устранить применением иных способов защиты, вследствие чего римская реституция имела крайне ограниченную сферу применения. Сущность *in integrum restitutio* состояла в отмене правового эффекта, правомерно возникшего на основании норм объективного права, которое должно находиться в причинной связи с поражением истца в правах. При этом несмо-

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5753.

тря на то, что позднее *in integrum restitutio* стал рассматриваться в качестве *commune auxilium*, как подчеркивал Ф. К. фон Савиньи, реституция не имела места в случае, когда общих норм было достаточно для защиты пострадавшего, и при наличии у него возможности предъявления обычного иска использование *in integrum restitutio* допускалось, только когда обычный иск давал защиту меньшую, чем была возможна при *in integrum restitutio*¹¹.

Признание экстраординарного характера реституции и применение ее только при невозможности защиты права иным способом обеспечивают необходимую стабильность гражданских правоотношений, в связи с чем такой подход должен быть воспринят современным российским правопорядком, т.к. разрушение структуры правовых связей между субъектами и отпадение прав на имущество *postfactum* является вредным, поскольку ведет к увеличению числа взаимных притязаний субъектов и делает их правовое положение непредсказуемым. Стабильность гражданского оборота достигается в первую очередь прочностью прав на имущество, поэтому видится необходимым ограничить использование такого способа защиты, как признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности.

В качестве *extraordinarium auxilium* оспаривание сделки в настоящее время должно применяться только тогда, когда отсутствуют другие способы восстановления нарушенного права. И во всяком случае применение такого способа защиты, когда это возможно исходя из его экстраординарного характера, не должно затрагивать правовое положение лиц, не являющихся сторонами сделки, что достигается признанием того, что признанная недействительной оспоримая сделка не влечет правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения.

Действующее законодательство позволяет суду аннулировать сделку на будущее время, но только когда это вытекает из существа сделки (п. 3 ст. 167 ГК РФ). Одним из примеров является указанный в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.1998 № 14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами»¹² случай признания недействительной оспоримой сделки, предусматривающей уплату процентов на переданную по сделке сумму денежных средств (договор займа, кредита, коммерческого кредита). Тем не менее решение вопроса об аннулировании сделки на будущий период от дан исключительно на усмотрение суда, и такой критерий, как существо сделки, не позволяет аннулировать сделку на будущее время, исходя из иных заслуживающих внимания обстоятельств, не связанных с существом оспариваемой сделки, отчего такой критерий нельзя признать удачным.

В этой связи требуют переосмысления современные представления о ретроактивном характере недействительности оспоримой сделки, поскольку, как указывает А. Д. Рудоквас, «в рамках классического пандектного учения о порочности юридической сделки оспоримая сделка после того, как она оспорена, утрачивает силу с момента вынесения судебного решения (*ex tunc*), а не с момента заключения (*ex tunc*)»¹³. При таком подходе отчуждение вещи собственником по оспоримой сделке не должно влиять на те сделки с имуществом, которые совершены до признания первой сделки недействительной, поскольку оспоримая сделка влекла правовые последствия вплоть до признания ее недействительной судом, следовательно, до признания такой сделки недействительной происходит переход права собственности к последующему приобретателю, а отпадения права собственно-

¹¹ Савинь Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2016. Т. 4. С. 360–361.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 12.

¹³ Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. М. : Закон, 2011. С. 53.

сти отчуждателя на вещь постфактум не происходит. Таким образом, применение реституции достигает цели защиты нарушенного субъективного права, не оказывая при этом негативного влияния на права приобретателей имущества, чем обеспечивается необходимая стабильность вещных прав и гражданского оборота в целом.

Проведя соответствующее исследование, Д. О. Тузов классифицировал реституционные обязательства на реституцию владения, т.е. возврат переданного по сделке имущества, и компенсационную реституцию¹⁴, которая состоит в возмещении стоимости полученного по сделке при невозможности возвратить полученное в натуре. Восстановление нарушенного права при оспаривании сделки, таким образом, происходит с отменой правового эффекта сделки и возвратом оспариваемую сделку лицу полученной по сделке вещи, если при этом вещь находится во владении стороны сделки, либо возмещением ее стоимости, когда такой возврат оказывается невозможным (независимо от причин, вызвавших такую невозможность). В этой связи возврат имущества, отчужденного собственником на основании оспоримой сделки, может быть произведен только путем признания совершенной оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, т.к. применение виндикационного иска оказывается невозможным в связи с переходом права на вещь от собственника к стороне сделки. Отсутствие у другой стороны сделки переданного ей имущества, в том числе по причине дальнейшего отчуждения имущества третьему лицу, не должно служить поводом к предъявлению виндикационного иска после признания сделки недействительной, но является основанием для взыскания со стороны сделки компенсации в размере стоимости имущества, чем исчерпывается защита прав собственника.

Ввиду изложенного отчуждение одним из субъектов права совместной собственности имущества без согласия другого субъекта такого права, как это произошло в рассмотренном в постановлении КС РФ от 13.07.2021 № 35-П деле,

должно быть основанием для предъявления таким субъектом иска о возмещении убытков лицом, которое произвело отчуждение общего имущества без согласия второго участника совместной собственности, т.к. распоряжение общим имуществом осуществляется по согласию всех участников, вследствие чего распоряжение общим имуществом без такого согласия свидетельствует о наличии правонарушения и, значит, об основании для привлечении лица, распорядившегося общим имуществом вопреки воле другого субъекта права общей совместной собственности, к гражданско-правовой ответственности. При этом приоритет такого способа защиты, как возмещение убытков, связан с экстраординарным характером реституции, которая не подлежит применению при наличии иного способа защиты, способного привести к восстановлению права.

Таким образом, обеспечение стабильности гражданского оборота за счет прочности прав на имущество является необходимым и полезным для всех субъектов гражданских правоотношений, поэтому ограничение истребования собственником имущества от добросовестного приобретателя служит общей цели защиты гражданского оборота и не может рассматриваться как институт, препятствующий защите права собственности, принимая во внимание, что защита прав собственника может быть обеспечена также иными способами. Между тем такой способ защиты права, как признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, не должен подменять институт виндикационного иска и приводить к такому результату, при котором приобретатель утрачивает вещное право на приобретенное им имущество постфактум.

Институт защиты добросовестного приобретателя, закрепляя условия, при наличии которых собственник не может истребовать свое имущество, в то же время олицетворяет идею поиска баланса между интересами собственника и лица, которое добросовестно и возмездно приобрело имущество, распространяя соответствующую

¹⁴ Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М. : Статут, 2007. С. 108.

идею также на иные институты гражданского права. Рассмотрение Конституционным Судом РФ вопросов, связанных с разрешением конкуренции защиты прав и интересов утратившего вещь собственника и добросовестного приобретателя, и принятие решений в пользу последнего свидетельствует о том, что институт защиты добросовестного приобретателя имущества вышел за границы института виндикационного иска. В настоящее время он выступает мерилем справедливого разрешения спора и приобрел межинституциональный характер, оказывая влияние на иные правовые институты, в частности на институт недействительности сделки. В пользу изложенного свидетельствует также постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца»¹⁵, в котором высшая судебная инстанция также отдала приоритет защите добросовестного приобретателя перед собственником. Несмотря на то что рассмотренный в данном постановлении вопрос не касался влияния недействительности сделки на правовое положение приобретателя имущества, а состоял в возможности защиты добросовестного возмездного приобретателя, когда имущество было из владения собственника помимо его воли, неизменно принятие Конституционным Судом РФ решений в пользу добросовестных приобретателей свидетельствует о сформировавшемся векторе в развитии объективного права, состоящем в необходимости учета интересов добросовестных приобретателей имущества, что продиктовано в том числе общей целью обеспечения стабильности гражданских правоотношений.

Институт защиты добросовестного приобретателя призван обеспечить стабильность прав на имущество. Такой институт должен применяться в тех случаях, когда собственник сохраняет право собственности до приобретения вещи добросовестным приобретателем в результате сложного юридического состава. Однако такой институт не рассчитан на защиту приобретателя при отпадении права собственности отчужда-

теля постфактум вследствие признания ранее совершенной с имуществом сделки недействительной. В указанных случаях стабильность гражданских правоотношений должна обеспечиваться за счет ограничения возможности оспаривания совершенных с имуществом сделок, что возможно с признанием экстраординарного характера такого способа защиты и применением его только тогда, когда невозможно применение иных способов защиты. Такой подход является необходимым, т.к. аннулирование правового эффекта сделки может оказывать влияние на права и интересы лиц, не являющихся сторонами оспариваемой сделки.

Вместе с тем, учитывая, что даже с признанием экстраординарного характера реституции возможность ее применения имеется, для обеспечения стабильности прав на имущество необходимо, чтобы оспариваемая сделка, признанная недействительной, не влекла правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения, т.к., несмотря на восстановление собственником прав посредством компенсационной реституции, в силу ретроактивного характера недействительность сделки будет влиять на права последующих приобретателей имущества, что можно достигнуть восприятием классического пандектного учения о моменте начала недействительности оспариваемой сделки и соответствующим изменением законодательных положений.

Кроме того, обращение утратившего вещь собственника с иском о признании сделки недействительной не должно становиться этапом на пути к предъявлению виндикационного иска, а должно преследовать в качестве цели защиту нарушенного права, соответственно, с применением такого способа защиты должна исчерпываться защита прав собственника. Восстановление прав собственника в таких случаях происходит за счет аннулирования правового эффекта сделки и исполнения стороной сделки обязанности возратить вещь во владение собственника (когда вещь находится во владении стороны сделки) либо выплатить компенсацию в размере стоимости вещи при невозможности ее выдачи.

¹⁵ СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — М. : Статут, 2015. — 958 с.
2. Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. — М. : Закон, 2011. — 304 с.
3. Савинь Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. 4. — М. : Статут, 2016. — 480 с.
4. Сагдеева Л. В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 74–83.
5. Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М. : Статут, 2007. — 206 с.
6. Ширвиндт А. М. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения (информационное письмо от 13 ноября 2008 г. № 126) // Вестник гражданского права. — 2009. — № 1. — С. 107–146.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: uchebnyk: v 2 t. / otv. red. E. A. Sukhanov T. 1: Obshchaya chast. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektualnyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava. — M.: Statut, 2015. — 958 s.
2. Rudokvas A. D. Spornyye voprosy ucheniya o priobretatelnoy davnosti: monografiya. — M.: Zakon, 2011. — 304 s.
3. Saviny F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. / per. s nem. G. Zhigulina; pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. T. 4. — M.: Statut, 2016. — 480 s.
4. Sagdeeva L. V. Vindikatsiya intellektualnoy sobstvennosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 3. — S. 74–83.
5. Tuzov D. O. Restitutsiya pri nedeystvitelnosti sdelok i zashchita dobrosovestnogo priobretatelya v rossiyskom grazhdanskom prave. — M.: Statut, 2007. — 206 s.
6. Shirvindt A. M. Kommentariy k Obzoru sudebnoy praktiki po nekotorym voprosam, svyazannym s istrebovaniem imushchestva iz chuzhogo nezakonnogo vladeniya (informatsionnoye pismo ot 13 noyabrya 2008 g. № 126) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 107–146.